Crème de la Crème

Марсель Жуандо

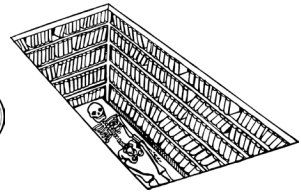
РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГИИ, ВОРОВСТВЕ И НЕОСТОРОЖНОСТИ

Перевод Татьяны Источниковой

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

64т



Marcel Jouhandeau
Notes sur la magie et le vol
Éloge de l'imprudence

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Дарья Громова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

В оформлении обложки использована картина
Вильгельма Бьерка-Петерсена, 1934

© Les pas perdus, 1952
©Les Cahiers du Sud, 1931
©Kolonna Publications, 2019

ISBN 978 5-98144-254-4

МАГИЯ

В 1927–1928 годах я был весьма увлечен магией и оккультизмом. Я бесконечно благодарен судьбе за женитьбу, которая отвлекла меня от них.

I

ВАМПИР

В автомобиле, который нас обогнал, я успел разглядеть необычайно красивого человека. Я закрыл глаза – и овладел его душой, его телом; я проник в самое средоточие его жизни, просочился в его кровь – и вскоре все его члены стали принадлежать мне, а не ему. Наконец я добрался до сердца и остановил его, отчего раскидистое древо кровеносных сосудов застыло в мертвенной неподвижности.

Гораздо позже, открыв глаза, я заметил группу людей, столпившихся вокруг кого-то, но надежно укрыл воспоминание о только что случившемся в глубинах сознания и постарался изобразить абсолютное равнодушие.

II

ПАЛАЧ

Сегодня, когда я снова встретил эту незнакомую женщину, которой имел жестокость всякий раз строить гримасы, она выглядела такой печальной, бледной и расстроенной, и так ужаснулась, увидев меня, – что я сжалился над ней, и мы впервые обменялись дружескими взглядами. Перемирие!

Как же страшилась, должно быть, эта несчастная встречи со своим палачом! Однако, если я все же исцелил ее от ее собственной гримасы, которую она выгуливала каждый день по набережной Гренель, значит, мой труд не пропал даром.

Каким чудовищем я предстаю порой незнакомцам, которые становятся одержимы мной, словно демоном! Одно мое появление превращает набережную Гренель в ад!

III

МЕСТА

Некоторые места, где мне приходится регулярно бывать, вызывают у меня странное, неизъяснимое ощущение. Что же когда-то здесь произошло – или только готовится произойти – неизвестное никому, но ощущаемое мною, пусть и смутно, на основании вполне определенных признаков, как «мистическое»? Я вдруг перестаю воспринимать реальность, и вместо нее мне предстает видение, или яркая вспышка света, или врывается в уши крик, а за ним – целый шквал других звуков, столь же внезапно тонущих в тишине, как разорвавших ее. Иногда явственно кажется, что в лицо мне ударилась птица с широко распахнутыми крыльями, иногда – что под ноги упал букет цветов. Порой мне преграждает путь разлившаяся на асфальте лужа крови, порой – солнечный луч; и то и другое может выглядеть либо невероятно древним, почти стершимся собственным изображением, либо, напротив, предметом до такой степени реальным, что я невольно наклоняюсь, чтобы коснуться его, – но пальцы касаются пустоты. Как лозоходец, нашедший воду, я внезапно

обнаруживаю прошлую или будущую драму – с помощью некоего таинственного инструмента, который дается иным от рождения и делает их способными замечать невидимое, неслышимое, неосязаемое, прошлое или будущее гораздо лучше, чем остальные когда-либо научатся замечать настоящее.

Преступление, поцелуй, молитва, героический или необычный поступок свершились когда-то на углу этой улицы, на ступеньках этой лестницы, – и вот всё пространство вокруг меня на миг стало зыбким и исказилось.

О былом величии:

Например, когда я пересекаю площадь Согласия, то всякий раз приподнимаю шляпу – как не сделать этого, если в моих ушах звучат последние слова Людовика XVI, больше не заглушенные грохотом барабанов Сантерра, или я вижу поднимающуюся на эшафот Марию-Антуанетту – гораздо яснее, чем случайного попутчика, усевшегося напротив меня в автобусе?

IV

ПРЕДМЕТЫ

Я знал человека, который, едва встретившись с вами, мгновенно примечал один из предметов вашей одежды или аксессуаров – галстук, сумку, запонки – и всеми силами и средствами старался этим завладеть, движимый, однако, отнюдь не корыстными мотивами, а чем-то похожим на суеверие, словно одержимый тайным желанием испытать свою силу убеждения, свою настойчивость – или просто будучи не в силах противостоять тому неистовому влечению, которое пробуждала в нем та или иная вещь, порой совершенно пустячная. Ему случалось переплачивать за нее в десять, даже в сто раз, – но, однажды выбрав ее в качестве своего будущего трофея, он уже не отступался. И чем сложнее давалась ему эта сделка, чем больше она казалась поначалу вовсе невозможной, – тем больше он был доволен, достигнув успеха, – словно выиграв пари у самого себя.

V

ЛЮБОВЬ

Я знал человека, который долгое время искренне верил, что стремится найти настоящую любовь, – но нет. После многих любовных приключений он наконец осознал, что стремится не к тому, чтобы завоевать ту или иную особу, а к тому, чтобы завладеть каким-то предметом, ей принадлежащим. Всякий раз он добросовестно разыгрывал комедию страсти, порой обращая ее в трагедию, только ради того, чтобы в один прекрасный день наложить руку на истинный предмет своего вожделения (и чем больше эта безделушка стоила ему трудов, изобретательности, уловок, хитростей, терпеливого ожидания, страхов и надежд, тем более становилась ему дорога), – но вовсе не из-за вульгарной скупости, а ради того, чтобы сделать его своим счастливым талисманом.

VI

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ *R.*

Герцогиня де *R.* – кажется, она единственная – оказалась достаточно умна, чтобы его раскусить и побороть искушение сказать ему об этом. Она заставила нашего маньяка любить ее на протяжении целых тридцати лет – и, может статься, так сильно, как никто и никогда еще никого не любил, – очень простым способом: все это время она отказывалась подарить ему голову античной статуи Адониса, которую, как она догадалась, он страстно хотел заполучить. За эти тридцать лет постоянных отказов она десять раз от него уходила, а потом вновь возвращалась, возобновляя былые отношения с таким искусством, что он оказался достаточно благороден, чтобы, получив наконец вожделенный дар, много лет спустя после их окончательного разрыва вернуть его обратно, когда узнал, что она впала в нищету.

VII

МАГИ

Так повелось, что большинство магов становятся первыми жертвами собственного искусства. Именно над ними прежде всего издеваются их фантасмагорические творения или вызванные ими силы, впрочем, одновременно воздействуя и на других людей – чаще всего принося им беды и лишь очень редко, будучи задобренными или обузданными, – даруя счастье.

VIII

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЮРА

Однажды (кажется, это было в 1926 году) я прибыл на вокзал Орсе чуть раньше времени и в ожидании своего поезда сел на скамейку рядом с дамой неопределенного возраста.

Только я собрался развернуть газету, соседка внезапно попросила ее у меня, а затем с невозмутимым видом затолкала в свою сумку. После этого она бессвязно заговорила, будто сама с собой, глядя в пустоту и не обращая на меня никакого внимания. Можно было лишь догадаться, что она кого-то обвиняет.

В конце концов мне стало любопытно, и я спросил:

– Кто вас обидел?

– И вы еще спрашиваете! Вы сами это прекрасно знаете!

– Я? Откуда?

– Вы же из Юра – значит, вы знаете всё!

– Я не… Даже если я из Юра – так что с того?

– Значит, вы противник Эннеди!

– Но кто такой этот Эннеди?

– И вы еще спрашиваете – вы, умеющий читать

по звездам и взвешивать души одним взглядом! Вы, чьи глаза – две чаши весов Правосудия! Эннеди! Эннеди!.. Нигде я не могу скрыться от него – он преследует меня везде, ибо я проклята! По ночам он связывает мне ноги веревкой, которая не принадлежит нашему миру, поэтому ее нельзя ни развязать, ни разрезать. Он забавляется, не позволяя мне встать и удержаться на ногах. Иногда этой же веревкой он связывает мне локти за спиной, и я не могу соединить ладони. Иногда он вгоняет мне щепки под ногти или втыкает их в кожу, и на следующий день я вытаскиваю из своего тела целые охапки этих щепок! Еще он вбивает мне в руки и ноги невидимые гвозди, и я повсюду оставляю кровавые следы. Чтобы окончательно повергнуть меня в ужас, прошлой ночью он разломал мою кровать и соорудил из обломков огромный крест. Но если именно этой, самой жестокой его выходке я обязана встречей с вами, то я не буду ни о чем сожалеть! Благодаря вам я впервые узнала величайшую радость: говорить с кем-то, кто слушает тебя без единой насмешки! На мгновение мне даже показалось, что я в раю… Ах, месье, если бы Господь хоть недолго побыл со мной после того, как вы меня оставите, – ведь Эннеди ждет только вашего отъезда, чтобы начать снова мучить меня!..

ЗАПИСКИ О ВОРОВСТВЕ

В детстве я часто испытывал болезненный страх, что меня примут за воришку, – и до сих пор точно не знаю, была ли эта фобия как-то связана с честностью. Питал ли я особенную склонность именно к чужому имуществу, и шла ли, таким образом, речь о том, чтобы обмануть себя и других? Или же, в силу врожденной деликатности, я постоянно терзался сомнениями в своей порядочности? Или такая одержимость была вызвана преждевременными укорами совести? Однажды я украл у родителей немного мелочи, чтобы купить книгу «О подражании Христу» – и, возможно, тягостное воспоминание об этой мелкой краже, стыд и смущение, которое она вызвала во всем моем существе, в дальнейшем и определили мою склонность к воровству, мое воровское призвание. О, эта тайна, это очарование воистину первородного греха – наконец-то вы открылись мне!

*

Единственное, чего я не смог бы сказать наверняка, – не этой ли постоянной заботе, этому беспокойству, этому глубокому пониманию, этому трагическому чувству вины я в конечном счете обязан и своей величайшей извращенностью, и своей предельной честностью – в гораздо большей степени, чем другие, по крайней мере, те из них, кто никогда не испытывал этой внутренней раздвоенности, этой постоянной борьбы с самим собой.

*

Однажды в детстве я оказался в магазине один и непроизвольно покраснел, когда кто-то ко мне приблизился, – словно и впрямь хотел совершить кражу, а меня в этом заподозрили. Мне было лет одиннадцать-двенадцать.

Когда мне приходилось расплачиваться, я впадал в такое замешательство, что всякий раз отдавал больше денег, чем требовалось, – из опасения, что по ошибке или рассеянности отдам меньше, – и от этого еще больше смущался. Был ли это хороший или скорее дурной знак?

С двенадцати до шестнадцати лет я на каждую Пасху с замиранием сердца перебирал груды счетов, боясь, что забыл оплатить какую-то вещь или книгу или вернуть кому-то долг. Если я постоянно подозревал себя в том, что, пусть невольно, нанес другим денежный ущерб, – то, может быть, я хотя бы раз действительно это сделал или намеревался сделать, а потом запоздалые угрызения совести давали о себе знать?

*

Кто может знать точно, не доводилось ли ему порой, невольно воспользовавшись собственной глубокой задумчивостью или намеренно погрузив себя в состояние без всяких мыслей, схожее с медитацией, и усыпив таким образом собственную бдительность, – совершить дурной поступок? Возможно, некоторые таким образом создают алиби для самих себя, чтобы потом не терзаться муками совести, – подобно тому, как другие делают то же самое, чтобы сбить с толку полицию. Вы словно отворачиваетесь, чтобы не застигнуть самих себя врасплох за совершением кражи, – а потом искренне удивляетесь, не в силах вспомнить, как попал к вам тот или иной предмет. Ведь вы не «присвоили» его – так откуда же он взялся? Ваши руки при этом старательно изображают невиновных.

Мне часто случалось, заболтавшись в магазине с продавцом (избыточное воображение заставляет меня легко увлекаться разговором на любую тему), уйти со своей покупкой, не заплатив. Насколько я себя знаю – я никогда не стал бы делать этого умышленно; но как знать, не пытался ли я воспользоваться ситуацией, обойдя собственный контроль? До сих пор я цепенею, стоит кому-то окликнуть меня слишком громко, – словно преступник, застигнутый на месте преступления, и в тот же миг явственно ощущаю, как мне на плечо опускается рука жандарма или вцепляется в загривок полицейская собака. Можно подумать, что, без всякого предварительного умысла с моей стороны, преступление свершается по воле некоего таинственного «другого», одинаково близкого

и чуждого мне, которого я уже не могу не поддержать из солидарности. В какой мере я являюсь сообщником этого чародея, по милости которого сбегаю из магазина, не заплатив? Кто в ответе за эти маневры, за эти почти бессознательные махинации? Может быть, сам дьявол.

*

У каждого ребенка есть множество страшных секретов, которыми он ни с кем не решается поделиться, чтобы никого не напугать, и которые он едва осмеливается поведать даже самому себе!

*

Ничто так ясно не свидетельствует о наличии у нас какой-то дурной склонности, чем наша манера с излишним пылом осуждать ее.

Зачастую вспыхнувшее желание выдает себя за страх перед собственным объектом.

Излишняя разборчивость порой маскирует настоящую одержимость, истинным лицом которой является бесстыдство.

Ничто так не оправдано, как изначальная сдержанность по отношению к тому, что является для тебя искушением.

Постоянное стремление казаться честным и порядочным скорее выдает, чем скрывает дурные наклонности. Лучше всего защищаешься, когда чувствуешь угрозу. Когда угроза для тебя исходит от тебя самого, мобилизуешь все свои силы, чтобы справиться с ней.

22 Другие всегда пытаются обмануть себя – но только не я.

*

Очевидно, что все вышеприведенные и последующие замечания можно применить, практически без изменений, к генезису любого порока или извращения – например, гомосексуальности.

*

Больше всего занимают вора собственные руки – неважно, красивы они или безобразны. Будь они сильными, массивными, мясистыми, коротко- или длиннопалыми, утонченными, тяжелыми, хрупкими, бледными или даже почти прозрачными, подвижными или вялыми, гибкими или застывшими, – большой палец всегда будет далеко отстоять от остальных, и все вместе – держаться как можно дальше от лица, на котором всегда будет заметно стремление отрешиться от них, отказаться от их постоянно навязываемого сообщничества. Даже если *X.* будет стыдливо прятать

их, а *Z.* и *N.* – горделиво или небрежно выставлять напоказ, для постороннего наблюдателя результат будет тот же самый: он одинаково быстро забудет и то, что видел, и то, чего не видел. Нарочитая демонстративность граничит со скрытностью, выставление напоказ – всего лишь один из способов отвлечь внимание.

*

Украденную вещь, которую *B.* хотел спрятать от пришедших к нему с обыском полицейских, он выложил на самое видное место.

*

Воображение зрителя завершает ту траекторию, которую они только намечают; их по-прежнему считают находящимися там, где на самом деле их уже нет. «Они» – это руки Вора. Думаешь, они в воздухе – но они уже неотрывно скользят вдоль сейфа или секретера, вооруженные орудием взлома, а затем довольно потирают одна другую, проникнув в тайну замка и вознаградив себя вашим обручальным кольцом или бумажником.

*

Жесты наиболее искусных взломщиков не менее величественны, чем движения рук священников.

Их постоянно окружает тот же самый ореол священного трепета, что окутывает святых, – отчего и те и другие выглядят одинаково подозрительными для заурядных, приземленных, добропорядочных людей.

Порой я с удивлением открываю в себе мысли и заботы, а затем и всю душу вора. Это длится всего миг, но в это время я не чувствую удивления – оно приходит позже.

*

R. создал из своего ремесла целую метафизику. Любая вещь, которой он стремится завладеть, сама по себе не имеет никакой ценности. Важно то сакральное значение, которое придает ей сам *R.*, важны все ухищрения, все повороты той авантюры, которую он предпринимает, чтобы ее заполучить, – порой невероятные, неправдоподобные, романтические, захватывающие его всецело и в конечном счете оправдывающие, когда он ею завладевает.

Он использует всю свою отвагу, всё мастерство и, наконец, магию – как того требует всякое истинное искусство, например, музыка или алхимия. В нем живет фокусник, чьими трюками он сам порой обманут, – он не всегда замечает их даже в те моменты, когда проделывает, забывая об игре ради награды, как только она оказывается у него в руках.

*

Даже любовь и дружбу он порой безотчетно превращает в орудия своей порочной склонности; его дом, без всяких специальных усилий с его стороны, уже очень давно стал похож то ли на склад реквизита для его театра одного актера, то ли на музей его персональных охотничьих трофеев.

– Не ходил ли я постоянно к Норберу только ради его клетчатого шарфа, который так мне понравился, что в одно прекрасное утро я обнаружил его среди своих? – спросил он однажды. – А к Мириам – ради перстня с рубином, который подарил ей Франц-Иосиф, получивший его от турецкого паши? И вот теперь я каждую ночь украдкой надеваю его в темноте на мизинец и только потом засыпаю.

*

Бывало и так, что ему не приходилось прибегать ни к насилию, ни к хитростям, ни даже к долгим уговорам, чтобы достичь своей цели. Казалось, его магия начинала действовать самостоятельно, после того как он вдоволь насмотрелся на предмет своего вожделения и покрутился около него. Например, однажды кто-то оставил у его двери коробку из-под обуви с лежащей внутри кистью скелета молодого человека, – доктор, к которому он до этого много раз ходил только за тем, чтобы улучить момент и похитить ее, возможно, решил уступить ее добровольно, чтобы сделать ему приятное, или просто чтобы избавиться от его назойливых визитов.

*

Почти любые кражи, включая кражи чести, происходят с молчаливого одобрения зачарованных жертв.

*

В глазах людей определенного склада любая пожива сама по себе ничего не значит; элегантность исполнения, поэзия авантюры – вот что преобразует кражу в героическую эпопею. Бывает и так, что значение или предназначение обычного предмета превращают его в легенду.

*

Я вспоминаю одного мальчика, который однажды вечером украл несколько флаконов духов у отца Лили Валадо, парикмахера, чтобы на следующее утро разбить их все на ступеньках церкви.

*

«Какое все-таки хорошее изобретение – религия! – восторженно прошептала однажды на Пасху мадам По, когда почтальон вручил ей квитанцию анонимного денежного перевода. – Подумать только – кто-то исповедовался, причастился, а потом решил простить мне долг!» С тех пор она каждый год напоминала мне об этой истории и неизменно добавляла: «Но почему?..» – неуверенным тоном, словно внезапная догадка могла бы чем-то ее смутить.

*

В восемь лет я придумал себе игру – незаметно класть в карманы нищим монеты, которые мои родители забывали на прилавке своего магазинчика. Таким образом, само по себе доброе дело было изначально запятнано нечестностью. Это несоответствие, которое для человека менее восприимчивого не имело бы никаких последствий, отравляло все мои юношеские годы. В какой-то момент я решил, что мне не будет прощения и я обречен стать вором. Возможно, из одного только удовольствия нарушить эту внутреннюю логику судьбы, или из-за того, что одну порочную склонность заменила другая, я смог устоять перед искушением.

*

Тяга к воровству не зарождается в одночасье – она развивается скачкообразно, иными словами, перемежается сколь угодно долгими периодами сознательно, даже ожесточенно навязываемого самому себе воздержания. Впрочем, она почти не проявляется в открытую, с поднятым забралом. *X.* никогда не знал заранее, украдет ли он, а если да, то когда и как, – и точно так же не осознавал сам факт кражи в момент ее совершения. Его влекла именно непредсказуемость исхода и вызванный ею страх быть пойманным или заподозренным в воровстве. Совершенное преступление он осознавал уже после – так человек, попавший в аварию, зачастую догадывается об этом только по ее последствиям. Без сомнения, особый, тайный,

неясный трепет предвкушения держал его в лихорадочном состоянии задолго до развязки драмы, но главные ее перипетии чаще всего от него ускользали. Спустя какое-то время ему казалось, что он проснулся после долгого запутанного кошмара – так обычно чувствует себя эпилептик после припадка или, может быть, Земля, когда нерешительно возобновляет вращение после сейсмических катастроф.

*

Весьма интересно то огромное разнообразие иносказаний, к которым обычно прибегают на рынке, лишь бы не называть воровство своим именем – словно оно либо является чем-то другим, либо вообще не существует. Тем самым оно парадоксальным образом очищается и, в свою очередь, становится иносказанием. Стянуть, свистнуть, слимонить, взять что плохо лежит, обчистить, общипать, прикарманить, зажать, попятить, подрезать, сконтрабасить, умыкнуть, вертануть, обнести, оприходовать, обуть, приделать ноги… Кажется, едва лишь старая метафора истреплется от всеобщего употребления, ей на замену придумывают новую, смысл которой поначалу понятен лишь посвященным.

*

Очевидно, не зря во французском языке одно и то же слово – *voler* – означает и «красть», и «летать». Руки вора чем-то сродни крыльям. «Свист-

нуть» в значении «украсть» тоже не случайно. Свистит ветер, которого мы не видим, но можем проследить его путь по тому хаосу, который он оставляет за собой. Оба эти глагола, «свистеть» и «лететь», вызывают ассоциации то ли с соколиной охотой и смертоносным полетом хищной птицы, то ли с игрой в волан, который со свистом перелетает от одной ракетки к другой. Продолжая метафорический ряд, можно вспомнить и крылышки на ногах Меркурия, покровителя воров. У любого из них есть эта способность, из-за которой можно заподозрить, что они перемещаются по воздуху, – выбирать самый подходящий момент как для кражи, так и для того, чтобы скрыться с добычей, буквально растворившись в воздухе, словно балаганный фокусник на сельской ярмарке.

*

Проснувшись однажды утром и обнаружив у себя в руках незнакомый предмет, чье происхождение и история тебе неведомы, чье присутствие в своей кровати ты никак не можешь объяснить, – в тревоге спрашиваешь себя, какой путь он проделал накануне, чтобы оказаться здесь. Такое нередко происходит с сомнамбулами и постоянно случалось с вором *X.*, поскольку саму кражу, «акт присвоения», почти всегда заслоняли от него какие-то странные детали, похожие на галлюцинации, которые погружали его в сон наяву, – в этом состоянии он даже не замечал, как вожделенная добыча оказывалась у него едва ли не раньше, чем он протягивал за ней руку. Таким образом, кража всякий раз выглядела каким-то

спонтанным трюком, фокусом, который к тому же свершался будто сам собой, без чьего-либо участия. Когда душа всецело поглощена своими собственными, бескорыстными мотивами, руки действуют словно в каком-то облаке, которое окутывает их и как бы на время разъединяет с телом. Известное выражение «глаза боятся, руки делают» вполне можно отнести и к воровскому ремеслу.

*

Можно по-разному относиться к рассказам о магических свойствах некоторых металлов, но несомненно, что восхищение, преклонение и благоговение, которые вызывает у людей тот или иной предмет, порождая в некоторых болезненную тягу, от которой они не способны избавиться, – фатальным образом приводят к некой разновидности идолопоклонства, вначале схожего с обожанием, а затем с вожделением. Обладать этими предметами, касаться их, смотреть на них, подолгу созерцать их в одиночестве – все это вызывает у таких людей экстаз, сравниться с которым могут только религиозный восторг или одержимость.

Кто знает, полностью ли чужда религии кража драгоценной церковной утвари?

*

Среди прочих мечтаний *X.* было и такое: ему хотелось иметь руки столь ловкие, умелые, подвижные, проворные и неуловимые, чтобы их обманчивое присутствие в том или ином месте

казалось реальным после того, как они оттуда исчезнут, – словно некое остаточное мерцание, мираж, призрачный образ, – а сами они в это время могли действовать где-то еще, как бы оставаясь невидимыми. Речь шла даже не о профессиональной отточенности движений, а о том, чтобы полностью отделить свои руки от себя, побудив их действовать по их собственной воле.

*

Порой *X.* ясно осознавал, что никогда его руки не приносили ему ничего столь же ценного, как ощущение невероятной, сверхчеловеческой виртуозности, которая словно перетекает откуда-то к нему и становится его собственной, – в том искусстве, которое он склонен был полагать столь же невинным, как любое другое. Ему достаточно было просто «намагнитить» свое внимание, свой взгляд и свои пальцы особым образом, чтобы в нужный момент незаметным и точным движением схватить добычу. Возможно, именно так Прометей похитил священный огонь с небес. Вот что называется «набить руку».

*

B. на украденные деньги накупил авторучек и раздал их всем приятелям, у которых таких не было: «Хочешь? Бери!» Те заподозрили неладное и спросили: «Откуда у тебя столько денег?» – «Ну, я сначала взял у матери из ящика стола тысячу франков, чтобы проверить, заметит она или нет.

Не заметила. Тогда я подумал: одним все равно, тысячей больше или меньше, а другим и авторучка в радость. Ну, я и взял еще тысячу…»

Его искренность и сознание своей правоты гораздо больше расположили меня к нему, чем если бы он терзался угрызениями совести.

*

32

Во времена моего детства в Шаминадуре был один человек, который зарабатывал пилкой дров у богатых горожан. Всякий раз, когда подворачивался удобный случай, он утаскивал с собой несколько поленьев и раздавал их беднякам. И вот, благодаря ему, с наступлением зимы всем местным жителям было чем согреться.

*

Все знали, что *В.* совершил множество краж. После того, как он предстал перед дисциплинарным советом и директор школы распорядился, чтобы обо всем сообщили его родителям, он вернулся в класс. Мы понимали, что самое большее через час его здесь уже не будет – и, возможно, он не вернется уже никогда. Ему самому, разумеется, это было столь же очевидно. Я украдкой наблюдал за ним; в этих трагических обстоятельствах, на вершине отчаяния, он сидел с сухими глазами и слушал урок внимательнее всех. Через какие же тревоги и переживания должен был пройти этот ребенок с середины сегодняшнего дня, чтобы его лицо настолько изменилось! Напрасно я пытался уловить в его взгляде былую беззаботность. Впро-

чем, он не позволил мне слишком углубиться в наблюдения. Заметив мое любопытство и сочтя его неуместным, он опустил веки, которые, казалось, тоже стали другими: иссиня-бледные, они плотнее примыкали к запавшим глазам и как будто слегка удлинились, что придало его лицу надменное выражение. Он словно говорил: «Зря вы думаете, что мне не всё равно, что со мной будет! Меня не волнует, что со мной случилось и еще случится, и что со мной происходит прямо сейчас! Я уже далеко отсюда, вам меня не достать!» Эта преждевременная зрелость, в одночасье проступившая на детском лице, делала его невероятно трогательным: заострившийся нос, сжатые губы, отвердевшие скулы словно облекла ледяная маска, сковавшая внутреннее смятение чувств и мыслей, отблески которых лишь едва заметно проступали на ее гранях. Какими заурядными выглядели все одноклассники рядом с ним! В своей грубой простоте они втайне радовались, что не похожи на него, и уже самим этим отношением отделяли его от себя, словно заточая на полном опасностей необитаемом острове. Иногда мы крадем, сами того не сознавая, ни тогда ни потом, потому что душа вора – темнее темноты; мы крадем себя у себя, мы лишаем себя благорасположения своего единственного защитника.

*

Тот, кто не уважает чужую собственность, никогда до конца не поверит, что имеет право на свою. Истинное наказание для вора заключается в том, что он, по сути, ничем не «владеет».

*

Точно так же лишь тот знает, что такое «чужое имущество», кто трепетал от желания завладеть им, но не притронулся к нему. Одновременно с этим приходит знание о том, что такое «священно», о своих собственных границах и об истинной сладости «обладания» чем-то, сколь бы мало оно ни было.

*

T. признавался: «Однажды я поддался слабости в трудных обстоятельствах – украл рубашку *Z.* и надел ее на себя. Я сделал это, чтобы не умереть от холода, но теперь я умираю от стыда и отвращения к самому себе».

*

Порой наша добродетель – всего лишь гордыня, тогда как некоторые мелкие проступки – лишь смиренное признание того, что мы принадлежим к тому же виду существ, что и величайшие преступники.

Шаминадур,
июль-август 1928

ПОХВАЛА НЕОСТОРОЖНОСТИ

«Похвала неосторожности» и сопутствующие наброски впервые появились на полях романа «Любитель неосторожности», который они комментируют и иллюстрируют.*

М. Ж.

---

* Согласно воле правопреемника Марселя Жуандо, наброски в настоящем издании не представлены. Русский перевод романа "Любитель неосторожности" издательство Kolonna Publications выпустило в 2017 году.

38

Frugi esse aut Caesarem
*Caligula**

Ваши родители приводят вас в этот мир – иными словами, погружают в его мораль. До тех пор, пока вы погребены в этой преждевременной могиле, они продолжают вас любить.

Если зло иногда порождает во мне некое странное ликование, оправданием отчасти служит то, что меня привлекает в нем именно его чужеродность, своеобычность, отстраненность, отверженность. Я говорю не о слабых, для кого добро и зло существуют сами по себе, но о сильных, кто творит зло, чтобы обрести вкус к добру, а затем добро, чтобы вернуть вкус к злу. Поскольку добро и зло сами по себе ничего не значат, – важны лишь благородство как добрых, так и злых дел, и радость, его естественный спутник, – сильные могут не опасаться непостоянства.

---

* Быть бережливым не подобает цезарю (Калигула).

Я всегда испытываю скуку, если располагаю возможностью совершить любое зло или добро просто ради развлечения, поскольку они мне в равной мере безразличны – в отличие от скуки; единственное, что ценно для меня, – великодушие, потому что это главный признак, по которому люди различаются между собой. Я с легкостью готов поставить в один ряд хороших и дурных, но только не благородных и низких, радостных и унылых. Я одинаково равнодушен к счастью и несчастью. Лучшим из людей счастье только в тягость; они готовы даже на бесчестные поступки, если это единственный способ снова стать несчастными. Тот, кто может быть несчастным лишь из-за укоров собственной совести, творит зло, чтобы пробудить в себе душевные силы, – так же как другие ради этого творят добро. Добро прививает вкус к несчастью, зло – к счастью.

Есть лишь одна добродетель – неосторожность, которая, увы, противостоит порядочности, чье свойство – осторожность и чей удел – скука, коль скоро лучшее, что можно противопоставить порядочным людям, – великодушие, и коль скоро веселье – единственное убедительное оправдание зла в присутствии добра, которое скучает само и нагоняет скуку на других.

Если общение с порядочными людьми никого особенно не радует, но все тем не менее предпочитают его общению с непорядочными, то лишь потому, что им больше нравится, когда их вгоняют в тоску, чем когда их грабят и убивают. Это ошибочное предпочтение.

В минуты особо ясного прозрения замечаешь, что скука – это нечто вроде болота, чья неподвижная стоячая вода порой поднимается к сердцу и затопляет его. Очистить сердце – значит избавиться от искушения сотворить добро или зло, чтобы развлечься. Тот, кто избавится от скуки, больше не будет ощущать потребности ни в добрых, ни в злых делах. Радость, поддерживаемая великодушием, поднимает нас над злом и добром: постоянство великодушия делает мораль ненужной.

Наши пороки – всего лишь собрание жестоких пьес, которые мы разыгрываем сами перед собой, чтобы развлечь нашу вечно скучающую добродетель.

Один и тот же порок, одно и то же зло не одинаковы у всех: они могут быть разного качества. Именно это качество, и только оно позволяет некоторым адептам порока очистить свое сердце и возвыситься над собой, не утрачивая своих порочных склонностей.

Превзойденные великодушием, порок и добродетель, добро и зло одинаково жалки. Радость – признак великодушия, барометр сердца. Существует манера быть порочным, странным образом схожая с манерой быть добродетельным. Один носит свой порок как проклятье, другой – как доспех, третий – как диадему. Почти любой, кто осуждает порок, на самом деле осуждает лишь то, что этому пороку наиболее чуждо, – само его имя. Если бы большинство наших поступков не имели названий, которые есть лишь признаки

сходства или различия между ними, – их невозможно было бы классифицировать как хорошие и дурные. Итак, поскольку существуют лишь поступки, в той или иной мере различающиеся между собой, любые пороки и добродетели есть лишь фикции, слова, имена – *flatus vocis**. Поистине добро и зло интересуют лишь внешнюю оболочку нашего существа, чья изнанка принадлежит лишь нам самим, поскольку ускользает от словесных определений. «Наши» добро и зло на самом деле не имеют отношения к нам – только к другим.

Если мы на минуту признаем, что слово «порочный» в точности соответствует тому или иному поступку, который оно определяет и тем самым разоблачает, но не будем признавать, что всё осуждаемое нами в пороке объясняется самой его природой, – будут ли пороки считаться пороками потому, что люди есть люди, или потому, что люди таковы, какие они есть? Иначе говоря, осуждаем ли мы порок как изначальное свойство человеческой натуры или как слабость, которой подвержено большинство людей? Безусловно ли дурно всё, что возвышает порок в наших глазах, или некоторые люди в самом деле могут реабилитировать его? Может быть, пороки дурны лишь потому, что дурны те, кто им привержен? Может быть, для всех остальных (и для себя самих) они опасны лишь потому, что их приверженцы недостаточно великодушны? Может быть, пороки называются пороками только ради того, чтобы отвратить от них всех без исключения и тем са-

* Пустой звук *(лат.)*

мым уберечь прежде всего тех, кто не сумел бы проявлять в них благородство? Или уберечь сами пороки от некоторых людей – поскольку иногда случается так, что не пороки бесчестят своих приверженцев, а наоборот? Нужно уметь носить порок, свой порок – это гораздо труднее, чем носить добродетель, которую всякий носит как придется. Но если проявлять великодушие никому не запрещено и всем доступно, возможно, некоторым позволено безнаказанно быть порочными, если они остаются великодушными? Отчего бы человеку не попробовать хоть раз сотворить зло и ради своей славы, и ради прославления зла? В этом проявилась бы воистину божественная неосторожность! Его порок назвали бы добродетелью, точно так же как нашу добродетель вполне могли бы счесть пороком в другие времена и в другой обстановке. Наша добродетель – это желание, затянутое в униформу, приличное, приемлемое, приглаженное, припудренное, подкрашенное, выродившееся, благовоспитанное, одомашненное, обузданное за долгие века, тогда как порок – это желание в чистом виде, которое способно менять будущее, внося в мир различие, элемент хаоса и смуты, и вместе с тем – обновление, нечто новое, непредвиденное, «авантюру своеобразности»; относиться к нему надлежит со всей почтительностью и сдержанностью. Я склоняюсь к тому, что порок стоит тщательно оберегать от людей.

К чести порока я могу сказать, что он никак не связан с удовольствием, сама природа которого такова, что не приводит к пороку, а, напро-

тив, уводит от него, поскольку порок со временем становится привычкой, а привычка – смерть удовольствия. Но я защищаю порок не потому, что он входит в привычку, а потому, что он встраивается в склад характера. Принести удовольствия, которым был привержен, в жертву неизбежным следствиям порока – значит не придавать удовольствию никакого значения. Если я больше не нахожу в пороке – не говорю «удовольствия», поскольку его я не нахожу почти ни в чем, что бы я ни делал, – но той экзальтации, которой всегда от него жду и которая только и способна его оправдать, той восторженности, которая располагает к великодушию, той возбуждающей неосторожности, что всегда сопутствует ему, – он больше не извинителен. Если его единственная причина существовать заключается лишь в его привычности, то всё, что я могу сделать, – приобрести новую привычку, которая разрушит его, – пусть даже это будет привычка к добродетели.

Ничто так не полезно для человека, как его пороки. Почти всё великое выросло из великих пороков, и даже добродетель «благородна», только если попирает порок, равный ей. Любой аскет сделался таковым, чтобы противостоять своей неумеренной склонности к разврату. Порок – это добродетель, которая ходит на голове; добродетель – порок, перевернувшийся с головы на ноги. Более того, пороки необходимы нам для нашей духовной жизни, поскольку составляют ее сущностный элемент, а также для душевного здоровья, поскольку один может обуздывать и сдерживать

другой. Самая совершенная добродетель основана на идеальном равновесии всех пороков. Так, тяга к наслаждениям побеждается скупостью, и наоборот. Возможно, мудрость заключается в том, чтобы противопоставлять одни пороки другим, а не в том, чтобы взращивать в душе добродетели, – душа более склонна пребывать в средоточии самой себя и наблюдать оттуда за этим противостоянием, словно за спектаклем или битвой.

Не слышал ли я порой громкий крик, разрывающий недельную тишину? Это случалось в день шаббата – еврей во мне оплакивал свои деньги, думая, что оплакивает свои грехи. Я также знал человека, который в результате точного расчета установил, что, отказавшись от одного из своих пороков, он станет богаче, чем если будет работать непрерывно до конца своих дней. Он сделал выбор в пользу этого отказа и, возможно, счел себя вступившим на путь добродетели; на самом деле он предпочел своей любовнице свою лень – порок, заменивший ему добродетель.

Если я скуп, а зло обходится дороже, чем благо, я обращаю это себе на пользу, и зло становится для меня благом – я могу позволить себе роскошь презрения. Я с презрением смотрю на убогую роскошь других, которую они считают за благо, с высоты зла, которое есть моя собственная роскошь, и с тем же презрением с высоты блага – на свою роскошь, которая есть зло. Какое глубокое

смирение заключено в этом презрении, которое, по сути, есть признание того, что я могу быть хорошим (то есть великодушным) только таким образом.

Всякая мораль с легкостью сводится к объявлению добра и зла тождественными и в то же время относительными: что хорошо для Пьера, плохо для Поля. Весь наш имморализм проистекает из наших сомнений и ошибочных представлений, когда нам кажется, что нечто «плохое» плохо именно для нас, – и тем не менее это делаем. Невозможно человеку быть искренним с собой и одновременно желать себе зла, – но он может желать себе зла, если полагает его для себя благом. Чтобы мы смогли захотеть для себя зла, нам нужно предварительно облечь его видимостью блага, а потом, когда мы получим его, совершить некий внутренний процесс его трансформации, схожий с химическим, – выпарить из него всё возможное благо, сведя остальное к сухому остатку «относительности». Точно так же для того, чтобы законным путем отречься от того или иного блага, человек должен убедить себя, что это благо для него зло, – так, обесчестить добродетель в своих собственных глазах есть первый долг грешника.

Зло, которое искушает возвышенные натуры, не существует; именно этим оно привлекательнее Добра и превосходит его. «Абсолютное Зло» – вот чему я воспел бы хвалу, если бы захотел восхвалить что-то еще после неосторожности, – поскольку оно есть Неосторожность окончательная и бесповоротная. Возвышенные натуры и в самом деле ищут Зла как идеала, а затем возвращаются к Добру за неимением лучшего. Кто вернется обратно и отыщет истинный путь – от «лучшего из худшего» к идеалу? Единственный недостаток Зла – то, что оно никогда не зло настолько, как принято в это верить, даже никогда не зло в достаточной степени, – то есть оно не является полным и абсолютным Злом. Его всегда можно обернуть к добру, а добро – начало раскаяния. Зло почти всегда заурядно, потому что не в наших силах стать извращенными настолько, как нам того бы хотелось, и когда смирение утешает нас, говоря о такой же заурядности Добра, недостаточность Зла уязвляет нашу гордыню.

Зло не разочаровало меня; верно, что у людей, в силу недостаточной глубины и широты натур, в обычае «чистота», но не как идеал, поскольку я могу сказать со всей искренностью, что если мне иногда недоставало Зла, то Зло никогда не испытывало недостатка во мне. Правда и то, что я никогда не встречал никого, кроме себя, на пути призвания, которое определяет упорная инстинктивная тяга к абсолютному, или «чистому» Злу. Никто не понял бы меня. Ни развращенный чело-

---

* Быть бережливым не подобает Сатане *(лат.)*

век, который не стыдится своего порока, ни тот, кто готов дойти, повинуясь ему, до последнего инфернального предела, ни тот, в ком порок не испорчен тысячью добродетелей, не склонятся к раскаянию. Но если раскаяние порождает вину, то чувство вины без раскаяния – просто трусость, которая ослабляет Зло. Злым больше всего недостает логики. Чтобы не утрачивать логику во Зле, нужно стать не хуже, чем ты есть, – нужно стать наихудшим. Должен признать, сам я никогда не утрачивал подобной логики.

Если я не хочу никому навредить, даже самому себе, не оберегая себя от зла; если в силу осторожности я выбираю грех, который никого не оскорбит; если я прежде всего лишаю себя возможности грешить против Бога, отменяя для себя Его существование, – я грешу именно излишней осторожностью. Итак, осторожность во зле – единственный непростительный грех, единственное непоправимое зло, из-за своей мелкопакостности, из-за своей трусости. Нет более отвратительного зла, чем зло, которое боится выступать с открытым забралом, чем мелкий, простительный, «осторожный» грешок – величайший грех против Неосторожности. Всеми признанный, уверенный в себе, своих средствах и своих рисках – он полностью лишен искренности, внезапности, страстности, жестокости, страдания; в нем нет ничего рокового, извечного, ничего, что могло бы ослепить до такой степени, чтобы посметь оказаться лицом к лицу с наивысшей опасностью – которая одна только и способна его оправдать.

Заурядный преступник больше верит в тюрьму, чем в ад, и в этом его слабость – он сам лишает себя средства грешить бесконечно. Его больше мучает зло, которое он причинил другим людям, чем то, что он причинил самому себе и Богу – потому что есть жандармы, и благодаря им его жертвы более реальны для него, чем Бог и он сам. Из слабости он полагает Бога менее реальным, чем он сам, а себя самого – менее реальным, чем другие люди, словно вечность греха меньше искушает его гордыню, чем заурядность наказания, уготованного ему людьми, угнетает его собственную низость. Если любой охотно грешит против Бога (а по сути – против самого себя), то почти всегда – из осторожности. Никто не верит ни в Бога, ни в самого себя в достаточной мере, чтобы быть злым, и это воистину печально. Грех против Предвечного рассматривается как единственно допустимый и простительный, поскольку, заранее отрицая Его существование, грешник верит, что останется безнаказанным, если только не привлечет к себе внимания жандармов, – как будто нет ни ангелов, ни демонов, ни ада, ни иного Зла.

Итак, Бог столь же необходим грешнику, чтобы быть грешным, как праведнику – чтобы быть праведным (хотя я не думаю, что на большинство людей идея Бога оказывает решающее влияние). Верующие не совершают больше хороших поступков или меньше дурных, но у неверующих дурные поступки зачастую хуже, а добрые – лучше. Верующие глубже постигают пути добра и зла, их ум пребывает в покое божественного Абсолюта, их чувства стократно обострены, воля твер-

да и неуклонна. Неверующим более свойственно проявлять добро и зло во всей полноте, что в равной мере является благом. Иными словами, если вспомнить о моралистах прошлого, которые полагали основой духовного благополучия «добрую веру и добрые нравы», – я готов признать, что люди, обладающие тем и другим и при этом религиозные – это лучшие из людей, тогда как лишенные того и другого, но остающиеся религиозными, – наихудшие. Только религия способна привести нас к постижению тайны Абсолюта и соединить нас с ним нерушимыми узами. Без Бога нет ни святого, ни проклятого, без Абсолюта – ни Добра, ни Зла.

Самый большой изъян Зла (если говорить об «изъяне» в прямом, самом точном смысле этого слова) в том, что оно не стремится попасть в вечность или стремится к этому затем, чтобы растворить ся в ней. Если морализаторство отвратительно оттого, что исходит из идеи спасения, рая – одним словом, выгоды, – если это, по сути, воплощение крайней осторожности, то иммoрализм прекрасен тем, что живет лишь Неосторожностью, доведенной до своих крайних пределов, где они смыкаются с пределами ада, – не только до смертельной степени риска, но до абсолютно ясного осознания того, что всё потеряно навсегда, кроме бесконечного отражения себя в себе – что есть поистине дьявольский венец гордыни, огненное сияние славы Люцифера, быть может, неугасимое.

О, сжигающее пламя Зла! Какое опустошение! Какое оскудение! Какое осмеяние! И затем – восторг, стена света, окровавленные колени; мое тело – сломанное копье, этой ночью оно искорежено, раздавлено светом, словно тело падшего ангела; я вижу его отражение в зеркале, от ступней, кажущихся очень далекими, до обнаженных плеч, – и чувствую, как гигантским цветком аканта вновь распускается мое желание в ладонях Бога.

Я готов воздать должное Богу за то, что Он единственный смог постичь Абсолют – абсолютное Благо. Никто другой не отважится на сравнимое с этим постижение абсолютного Зла – если только я сам не стану Сатаной.

Но, поскольку я выше всего ценю логику – науку об Абсолютном, то, возможно, я не смогу довольствоваться Злом и в конце концов обращусь к Добру – чтобы…

…претвориться в Тебя, о Боже – если только не стану Сатаной.

Deum esse aut Satanam*.

---

* Быть Богом не подобает Сатане *(лат.)*

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Марсель Жуандо

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Приближаясь к семидесятилетию, Марсель Жуандо стал наблюдать за признаками своего старения и написал эту книгу о подготовке к смерти и постепенном расставании с радостями и заботами. Смерть входит в человека тайно, неслышно, словно заноза. Жуандо признавался, что одержим своей смертью и ждет ее, как ждут торжественного испытания. Он попытался лежать в гробу и осознал ужас полного оцепенения, отказа от проявлений жизни.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Марсель Жуандо
ОБРАЗЫ ПАРИЖА

«Образы Парижа» (1934) и «Новые образы Парижа» (1956) – собрание портретов обитателей великой столицы, людей и животных – «неповторимых, одиноких, слепых светил, вращающихся, не сознавая того, вокруг Бога». Величавая женщина из общественного сада, белая лошадь угольщика, «ночной мотылек» Фёдор, безумица в кафе, сборщица угля, спящий на набережной клошар, 30 слепых девушек, карманник из метро, попугайчики в клетке, злобная консьержка, навязчивый жандарм, сентиментальный бродяга и сотни других персонажей, встретившихся философу Марселю Жуандо на пути в городе, который с тех пор изменился до неузнаваемости и остался в точности таким же.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Марсель Жуандо

ЛЮБИТЕЛЬ НЕОСТОРОЖНОСТИ

Вычурный, фантастический роман «Любитель неосторожности» (1932) не похож на другие книги Марселя Жуандо и отражает его недолгое увлечение сюрреализмом. Главный герой – таинственный Брис Обюссон – это сам Жуандо, которого друзья называли Кардиналом, его подруга Наталина – эксцентричная светская дама Нэнси Кунард, Бариэль – писатель Рене Кревель, д'Эристаль – любовник Кревеля, художник Юджин Маккаун. Впервые в этом романе Жуандо решился намекнуть на свою гомосексуальность, рассказав о мистической связи Обюссона с Липсе Дулье, «демоном из Орвието».

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Марсель Жуандо
МОЙ БЕСТИАРИЙ

Я смотрю на животных, которые живут рядом с нами, в каком-то смысле как на замаскированных людей, у которых почти те же самые чувства, почти те же самые потребности, что у нас, – выходящие далеко за пределы утоления голода и жажды. У них тоже есть сердце, а у него – потребность в любви, которая достигает порой самой возвышенной страсти.

Марсель Жуандо
ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге «Школа мальчиков» собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Марсель Жуандо
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА

Три текста Марселя Жуандо, изданные вскоре после его смерти. В своих «тайных книгах» Жуандо размышляет о природе сладострастия и изучает способы получения удовольствий. «Гетеросексуальность – это коммерция, индустрия; гомосексуальность – искусство. Древние греки запрещали гомосексуализм рабам. Что до меня, я хотел бы, чтобы он был дозволен лишь мудрецам».

Марсель Жуандо
ПОХВАЛА СЛАДОСТРАСТИЮ

Какова природа удовольствия? Стоит ли поддаваться страсти? Грешно ли наслаждаться пороком, и что есть добро, если все захватывающие и увлекательные вещи проходят по разряду зла? В исповеди «О моем падении» (1939) Марсель Жуандо размышлял о любви, которую общество считает предосудительной. Тогда он называл себя грешником, но вскоре его взгляд на то, что приносит наслаждение, изменился.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Франсуа Ожьерас
ПУТЕШЕСТВИЕ МЕРТВЫХ

Путешествие отважного молодого человека по французской Африке, от горных пастбищ Алжира к океану в Агадире и к великой реке Сенегал. «Последним полем экспериментов Запада» называл Африку Франсуа Ожьерас, презиравший европейскую цивилизацию и считавший себя человеком будущего, дикарем, отказавшимся от законов, обычаев и мнений заурядных людей. Он не расставался с пистолетом и любил молодых пастухов, проституток в портовых борделях, своего дядю – полуслепого мистика Марселя Ожьераса и безмятежных алжирских овец.

Эрве Гибер
МОИ РОДИТЕЛИ

После выхода книги Эрве Гибер написал в дневнике: «Я стал преступником. Выхожу на улицу и понимаю: все будет не так, как прежде. Я теперь по-другому смотрю на людей, а они на меня. Я совершил преступление, а они еще не знают об этом. Меня ждет их суд и их приговор».

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Жиль Себан
МАНДЕЛЬБАУМ, ИЛИ СОН ОБ ОСВЕНЦИМЕ

В 1986 году был зверски убит 25-летний бельгийский художник Стефан Мандельбаум. Его тело, обезображенное кислотой, нашли на пустыре. Жиль Себан встретился с ключевыми свидетелями его жизни – родственниками, друзьями, любовницами – и попытался в своем документальном повествовании открыть тайну гибели художника. Книга проиллюстрирована работами Стефана Мандельбаума – портретами Бэкона, Пазолини, Геббельса, скандальными эротическими рисунками.

Джордж Сильвестр Вирек
ДОМ ВАМПИРА

Первый американский декадент Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) впервые приходит к русскому читателю с романом «Дом вампира» (1907). В книгу включены записи разговоров Вирека с Адольфом Гитлером, Зигмундом Фрейдом, Магнусом Хиршфельдом, материалы о его отношениях с лордом Альфредом Дугласом и Алистером Кроули.

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Гертруда Стайн
АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». «Автобиография каждого» вышла в 1937 году и прежде не переводилась на русский язык. Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиографию каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют

Рональд Фирбенк
ИСКУССТВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Рональд Фирбенк (1886–1926) проводил свои дни в изысканной неге. Романы он сочинял на почтовых открытках в украшенных цветами номерах отелей. Его передвижения по миру были непредсказуемыми. «Завтра отправляюсь на Гаити. Говорят, президент там Настоящий Душка!» – сообщала телеграмма, которую получил от него приятель. На торжественном ужине, устроенном в его честь, патологически пугливый писатель решился проглотить лишь одну горошину. Он почитал слово «отдохновенный» и все книги, которые ему нравились, называл отдохновенными.

Заказывайте книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» на сайте shop.mitin.com. Курьерская доставка в России, рассылка по всему миру.

Их также можно приобрести *в Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», Ветошный переулок, д. 9

в Санкт-Петербурге:
«Порядок слов», наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Лабиринт» labirint.ru

в *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua

Марсель Жуандо
РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГИИ, ВОРОВСТВЕ И НЕОСТОРОЖНОСТИ

перевод Татьяны Источниковой